

Дина Рубина

Альт перелетный

Дина Ильинична Рубина

Альт перелетный (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164001
Альт перелетный: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-23593-3

Аннотация

Довольно часто я размышляю о возникновении феномена мифа в сознании, в чувствовании человечества. Знаменитые сюжеты, исторические личности, произведения искусства, города могут взнестись до сакральных высот мифа или остаться в ряду накопленных человечеством земных сокровищ.

Вот Лондон – огромный, имперской славы город.

Париж – чарующий, волшебный сон!

Нью-Йорк – гудящий Вавилон, законодатель мод...

Иерусалим – миф.

Миф сокровенный.

Содержание:

Альт перелетный

Джаз-банд на Карловом мосту

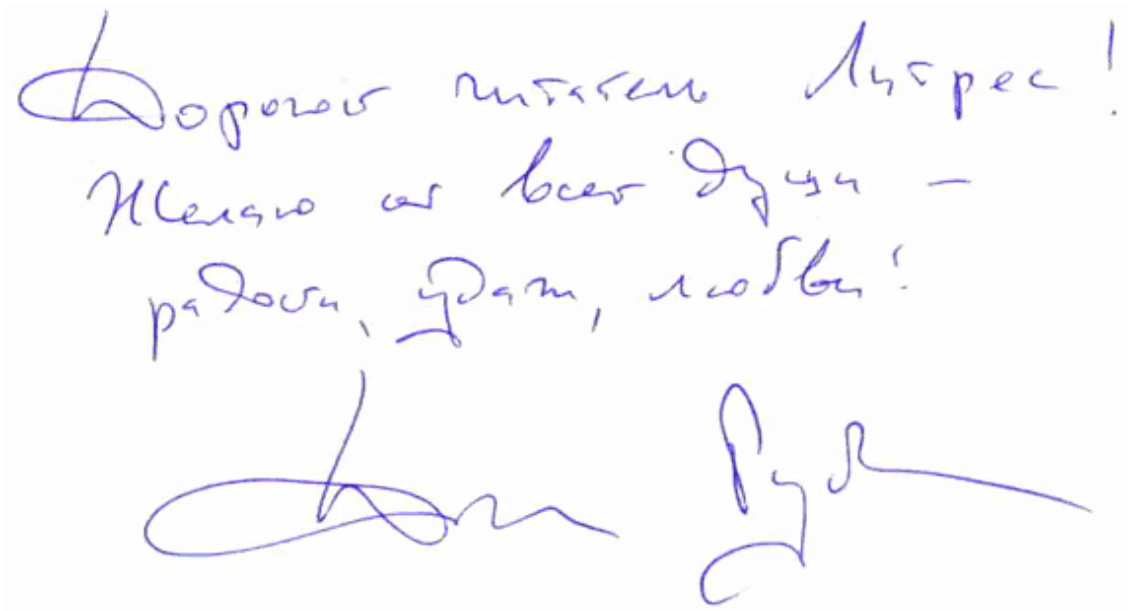
"Еврейская невеста"

Иерусалимцы

Содержание

Альт перелетный	5
Джаз-банд на Карловом мосту	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дина Рубина Алыт перелетный (сборник)

Альт перелетный

Сестре Вере

Однажды мы разбогатели по-настоящему...

Когда я говорю – по-настоящему, тоже надо учитывать – что имеется в виду.

С деньгами у меня отношения изумленно-романтические. Любой их приток я ощущаю океанским приливом. Их неожиданное возникновение для меня – всегда незаслуженное чудо, даже если это небольшой гонорар за большую, сколоченную месяцами изнурительного труда книгу.

Как-то, начитавшись Фрейда с Юнгом, одинаково мне чуждых, я пыталась откопать в своей биографии истоки столь инфантильного моего отношения к столь серьезному предмету. Ибо отток денег из моих карманов происходит с неумолимой скоростью океанского же отлива. Боюсь, к щедрости это не имеет никакого отношения. Скорее, это идиотизм. Ну и, конечно, элементарное неумение считать.

Короче, порывшись в детских воспоминаниях, я откопала ежегодные поездки нашего семейства к Иссык-Кулю, озеру в горах Тянь-Шаня, – ныне для меня почти мифическому, – когда, шествуя на пляж с большим художническим зонтом на плече (папин зонт для этюдов, под которым прошло все мое детство! – эта деталь еще раскроется в моих рассказах), я каждое утро находила в шелковом белом песке, среди плоских, давно погасших окурков и грифелечков древесного угля, бурые медяки – алтыны, пятаки, копеечки...

О, жар песка, каленый обжиг пяток, проникающий до желудка!

Глазастый следопыт, я каждый день обязана была подтверждать репутацию счастливого баловня фортуны, пусть приятельски-мелочной, но все же фортуны. В дальнейшем, в жизни, когда надо было утомительно подтверждать репутацию баловня фортуны, перед моими глазами возникала та ежеутренняя дорога на пляж, особая прозрачность воздуха, четкие горы со снежными пиками вдали и напряжение зоркости в попытке взглядом выудить из песка ребристый ободок меди...

Но однажды мы таки разбогатели по-настоящему.

Это произошло вдруг, мгновенно и, если можно так выразиться, неощутимо. Так вот вы открываете дверь своей московской кухни и оказываетесь на набережной Сены. Безболезненное – в смысле потрясения – перемещение в статусе.

Началось все с утреннего звонка нашего приятеля, искусствоведа, с его предложения показать картины Бориса очередному заезжему ловцу дешевой поживы. В те годы, на изломе советской эпохи, многие владельцы западных галерей составили себе состояние на перепродаже картин русских художников...

– Ну, что? – спросила я, когда муж положил трубку.

– Пустое, – сказал он. – Собирают нескольких художников, снимают картины на видео в бывшей церкви на Ордынке, будут возить по западным галереям... Искать сейчас машину... платить кучу денег за очередную синюю птицу...

Но все-таки повез.

Оказалось – действительно пустое... Ну, сняли, ну, взяли «портфолио»... Живем дальше.

Однако месяца через три наш приятель позвонил опять и, как бы между прочим, среди трепа:

– А помнишь ту церковку на Ордынке? Так вот, заметили нескольких художников, сейчас ездим, отбираем работы. Как у тебя завтра утром – ничего, если мы заскочим?

– Заскакивайте, – сказал Борис.

Утром приехали – наш приятель, еще один деятель, вообще-то театральный, но в последнее время нырнувший в бизнес и неожиданно поплывший в нем сильным, уверенным брассом. С ними известный график-оформитель Жора Немкис, вечно снулый, с низким давлением.

Все они уселись на диван, Борис стал выносить одну за другой картины из мастерской и выставлять вдоль стенок, а я ушла на кухню – жарить гренки. В те скудные времена это было экономно и выгодно, главное – иметь в доме четыре яйца и буханку хлеба. Дарю рецепт: взбить яйца до консистенции пуха, пропитать ломоть хлеба, посолить и жарить на сковороде до румянца.

Словом, я со всей силы взбивала на кухне яйца, когда же минут через тридцать явилась звать гостей к столу, первым делом увидела лицо своего мужа. Он смотрел на меня с вымученной улыбкой небожителя Эль Греко.

– Они купили все картины... – сказал он, глядя на меня поверх сидящих гостей.

На диване лежал открытый кейс, весь заполненный аккуратными толстенькими пачками денег. Одни пачки лежали вдоль, другие поперек... Такой симпатичный, хотя и несколько однообразный пазл... Никогда в жизни я не видела столько денег сразу.

Белый шелковый песок заструился перед моим – как пишут в подобных случаях – мысленным взором. Там и сям среди сплюснутых окурков в нем темнели кружочки бурых медяков.

Я перевела взгляд в окно. Интересно, подумала я, это всегда происходит так буднично? А где же счастье? Где бурное ликование? Где мое детское торжество баловня фортуны?

Освобожденно вздохнув, словно с облегчением избавившись от груза, гости двинулись на кухню.

Сели, выпили, накалявая на вилки пушистые гренки. Маловато оказалось яиц. Ничего! – помнится, мелькнуло тогда в моей инфантильной голове вечного подростка. Теперь мы купим до хрена этих чертовых яиц!

Жора Немкис – у него всегда из-за низкого давления был оглушенный вид – учил Бориса жизни:

– Стари-и-к, – говорил он, медленно, как во сне, прожевывая кусок, сладостно закрывая глаза, – купите машину, дачу... станете людьми... Появятся человеческие интересы... Вот я... Каждый вечер – на каток... надеваю коньки... ступаю на лед и еду, еду... Ветер в ушах, музыка из динамика... давление поднимается, я скольжу, старик, как птица... Это – плюс...

Мы сидели долго, тем более что на радостях я достала золотой запас – две банки шпрот из писательского пайка, которые берегла на Новый год. Но теперь, когда мы стали так богаты, гори они огнем – жалкие шпроты из жалкого писательского пайка!

Поздно вечером гости уходили.

– Стари-ик, – засыпая, томно привалившись к грязным обоям в нашем коридоре, тянул Жора Немкис, – станешь человеком... Прибарахлишься... Костюма нет – это минус. Такая жена – это плюс...

* * *

Когда появились деньги, воздух вокруг нас сразу уплотнился. Возникли даже какие-то завихрения, небольшие тайфуны, повышения и понижения температуры.

Заволновались близкие. Всем им хотелось сохранить наши деньги получше, ненадежнее. Приехала родственница из города Винницы с дипломатической миссией. В процессе беседы выяснилось, что надо помочь выехать в Израиль семье Бориного брата. Потом он,

конечно, отдаст. Когда *там* встанет на ноги. Затем выяснилось, что надо помочь выехать моей сестре, которая, конечно, все вернет, даже смешно сомневаться.

Да и сами мы помаленьку отщипывали от кучи денег то тот, то этот кусок. Словом, куча эта тихо осыпалась. Весело струился золотой (это только образ!) песочек.

В один из дней позвонила моя сестра и сказала:

– Ты вообще-то думаешь – во что деньги вложить?

Нет, я не думала. Я просто люблю наличие денег в карманах. Люблю это веселое ощущение присутствия толики денег. Зачем же портить восхитительное, продленное во времени осознание своего *владения деньгами* и во что-то там вколачивать их, тем самым лишая себя удовольствия их *тратить*, то есть осуществлять неотъемлемое право владения.

– Вы просто придурки! – сказала моя энергичная сестра. – Допустить, чтобы эта прорва денег исчезла, улетучилась из-за вашего идиотизма и халатности?! Ты должна немедленно купить музыкальный инструмент!

– Зачем?! – спросила я.

– Чтобы продать его!.. Потом, конечно, когда попадешь в нормальную страну. Так делают все умные люди! – напирала она, ощущая мое молчаливое сопротивление.

– Интересно, кто этим будет заниматься?

– Я! – отрезала она.

И моя сестра Вера занялась покупкой музыкального инструмента. Что было вполне логично даже и с профессиональной точки зрения: ведь моя сестра скрипачка.

Кроме того, она вообще творчески одаренный человек – в детстве, на берегу Иссык-Куля, всех поражал ее необыкновенный дар возводить у кромки волны песчаные замки сложнейшей архитектуры. Эта пятилетняя кроха своими пальчиками терпеливо струила мокрым песком башню за башней, колонну за колонной, возводила настоящие укрепления, выкапывала рвы – часами трудилась под солнцем; а когда набежавшая волна вдруг подмывала какую-то башню, девочка, как ни в чем не бывало, бросалась возводить новую. Купол самой высокой башни она – последний виртуозный штрих! – венчала бутылочным стеклышком. Каждый прохожий купальщик изумлялся этому чуду детского терпения и долго любовался им, восхищенно цокая над белой панамкой моей сестры...

Недели через две она объявила, что «нашла в Питере замечательный инструмент»:

– Альт. Ручная работа. Ему цены нет!

Цена, впрочем, была. И довольно внушительная. В то время на эти деньги вполне можно было небольшому скромному семейству год протянуть, не задумываясь о тяготах жизни. Я вяло поинтересовалась: почему в Питере? На что сестра довольно вразумительно ответила, что именно в этом городе поголовно порядочных людей она знакома с отличным и весьма благородным малопьющим мастером, который реставрирует, продает и покупает музыкальные инструменты. Он уже отложил для нас уникальный альт. Надо немедленно переправлять деньги.

– А почему альт? – я еще пыталась как-то противостоять ее напору, но все было бессмысленно. Во-первых, мне никогда не удавалось устоять против бурь, устраиваемых сестрой (в детстве, на Иссык-Куле, подбравшись ко мне сзади, с диким воплем «делать бурю!!!» она принималась колотить кулаками по воде, оглушая и ослепляя тайфуном брызг всех, кто находился поблизости в радиусе полукилометра). Во-вторых, то была воля небес, а я такие вещи чувствую и покоряюсь.

– Альт – потому, что более редкий инструмент, чем скрипка. Не задавай идиотских вопросов, как будто ты никогда не имела никакого отношения к музыке. *Та м* мы его продадим за бешеную сумму. Вспомнишь обо мне, когда впервые затопишь мраморный камин *там*, в своем новом доме, купленном на альтовые деньги!

Словом, гонец – с некоторым трудом – был найден. Им оказался мой старый друг режиссер Стасик Митин. В то тревожное время (а впрочем, какое время в России было *не* тревожным?) люди старались не перевозить на себе крупные суммы. В поездах было нехорошо. Ходили кошмарные слухи об усыпленных сквозь щели в купе, в лучшем случае просто ограбленных, в худшем – сброшенных под колеса поездов пассажиров.

Помню, как, озабоченный своей миссией, Стасик прятал пакет с деньгами куда-то в недра кожаной куртки, в потайной карман, и я, тревожно ошупывая его грудь, старалась определить на глаз: заметна или не заметна некоторая припухлость со стороны сердца?

Вера сама поехала в Питер за альтом.

Мимоходом по пути ею был совращен в еврейство малолетний митинский сын Димочка. В то время – время перелетных стай – моя сестра была взбудоражена, полна национальных страстей и выступала, все время выступала – в смысле, произносила страстные монологи перед разными аудиториями на самых разных кухнях.

(Это вообще показательно для нашего семейства по женской линии. Моя бабка прекрасно пела украинские песни, но главное, умела подражать голосам других людей. Когда в доме собирались гости, они всегда просили: «Рухэлэ, представь!» Бабка долго отнекивалась, категорически отказывалась, отрицала вообще такую свою способность и вдруг без предупреждения начинала: «Иду я тут вчера, а навстречу...» – и так убийственно точно передавала голос, мимику, манеру говорить и двигаться, а главное – выдавала такие характеристические тексты, что человек как живой представал перед падающими со стульев от хохота гостями.

Ее дочь, моя мама, тоже всю жизнь выступает. Вообще-то она педагог, тридцать три года преподавала историю государств, ныне уже не существующих, и, когда объясняла урок, тоже изображала, только не соседей, а государственных деятелей – царей, министров, декабристов, большевиков... Говорят, когда она объясняла урок по теме «Убийство Павла I», потрясенные ученики вскакивали с мест, чтобы заглянуть в изображаемый ею камин, в котором спрятался несчастный император...

Так что все мы выступаем, и в буквальном и в переносном смысле.

Я, например, выступаю в обоих смыслах. Мне как будто недостаточно, что читатель, взявший в руки мою книгу и перелистывающий страницы, вынужден так или иначе внимать моим рассуждениям о том о сем, просматривая разнообразные картинки, которые мне вздумается раскрашивать перед публикой, – нет, мне все мало! – и я взбираюсь на буквальную дощатую сцену, чтобы погарцевать час-другой перед несколькими десятками любопытных, развлекая их самым наглым способом – рассказывая анекдоты и байки из собственной жизни и жизни нескольких моих друзей. Очевидно, врожденное актерство пересиливает даже самый замкнутый, самый мизантропический характер.)

* * *

Отлично помню момент, когда альт – впервые! – вплыл в нашу квартиру. В футляре, топорном и таком старом, что его картон, оклеенный коричневым дерматином, махрился на сгибах. Из трех застежек действовала только одна, поэтому для страховки футляр был охвачен в двух местах бельевой резинкой.

– Ну, вот, – сказала сестра, деловито опустив его на тахту, снимая резинку и отщелкивая единственную застежку.

Вам приходилось видеть когда-нибудь, как скрипачи и альтисты вынимают инструменты из футляров? Как нежно и крепко охватывает кисть руки гриф инструмента? Похожим движением достают из люльки младенца, придерживая голову на слабой шейке...

Описав в воздухе плавную дугу, вытянутой рукой Вера продемонстрировала сильные линии его хрупкого и одновременно мужественного тела.

– Ель! – объявила она, являя нашим взорам верхнюю красноватую, с медовым отливом деку.

Мы затрепетали.

Она сделала вращательное движение кистью руки, альт оборотился, показав более светлую, с перламутровыми бороздами света под слоем лака спину.

– Клен! – провозгласила Вера. Мы пали ниц.

Затем долго молча и почтительно любовались черными колками, отполированными чьими-то пальцами, изящно вытянутыми эфами, аккуратным подбородником, пробовали канифольную шершавость струн...

Тогда я впервые в жизни подумала, что сокрушительный провал в моих отношениях с музыкой, вполне вероятно, был обусловлен неверным выбором инструмента. Может быть, я вообще струнный, а не клавишный человек? И даже не смычковый, а щипково-струнный? Может быть, ухо мое тоскует по долго замирающему звуку тронутой струны, а левое плечо всю жизнь ждало легкой тяжести альты или даже тяжелого изгиба арфы?

В прорези эфы мы углядели внутри хрупкого тела альты наклейку: «Мастер Георгий Шуб. Алма-Ата. 1973 г.».

– Да... – сказал мой муж. – Не Генуя. И не Кремона.

– А какая тебе разница? – спросила сестра. – Звук прекрасный.

Она держала альт как балалайку и пощипывала струны.

– А смычок? – спохватилась я.

– Смычок – это отдельное предприятие, – сухо возразила сестра. – Это еще несколько тыщ. Могу устроить. Хотите?

Она достала свой собственный смычок, провела им по струнам, извлекая один за другим сильные волнующие звуки – обрывки известных скрипичных пьес.

– Какой огромный... – пробормотала я почти благоговейно. – Альт-акселерат...

Было в его теле нечто освобожденное, устремленное вдаль, я бы даже сказала – улетное. Возможно, из-за отсутствия смычка, – ибо любая трость, занесенная над чем бы то ни было, всегда становится палкой надсмотрщика...

* * *

Вскоре моя сестра покинула Россию. Она уезжала в Израиль через Польшу, поездом, захватив с собой только скрипку и небольшой саквояж. Ее сын, мой единственный племянник Боря, должен был приехать позже, когда она *там* «встанет на ноги». Хотя, на мой взгляд, Боря – даже когда был маленьким – стоял на ногах гораздо уверенней своей мамы. Его всегда отличал вдумчивый и несколько иронический взгляд на окружающих.

Однажды (ему было года четыре) моя сестра обмолвилась, что я сижу в доме творчества.

– Что это – дом творчества? – спросил мальчик.

Моей сестре некогда было вдаваться в эту совершенно неинтересную тему, и она сказала:

– Ну... это такое место, где писатели творят.

– Что творят? – насторожился Боря.

– Что хотят, то и творят, – легко ответила его торопливая и занятая мама.

– Что хотят – творят?! – потрясенно переспросил Боря. – Они там на ковер какают?!

Очевидно, подобное действие в Борином воображении было проявлением высочайшей духовной свободы.

Когда он вырос, его замечательно устойчивый характер явил еще одну привлекательную черту – невозмутимость и доброжелательное принятие всех сумасбродств близких.

Словом, Вера уехала и стала слать из Израиля восторженные письма. «Какое это счастье, – писала она, – жить в своей стране и чувствовать себя равной со всеми...»

У нас еще оставалось немного денег – заплатить в ЖЭК за ремонт квартиры, которую мы оставляли государству. Иначе нам не давали справку – заветную индульгенцию, без которой в те годы евреев не отпускали босых по миру.

На вывоз альты – нашей главной надежды и достояния – тоже требовались разные документы; его, как заключенного, шелкали и в фас и в профиль, к нему прилагалась официальная бумага, мнение компетентной комиссии Министерства культуры. Помнится, в очередях Министерства я с трепетом ожидала отказа на вывоз такого высокоценного инструмента. Однако советские чиновники довольно легко и равнодушно выпустили эту птицу на волю...

Моя милосердная память, которая всегда в тяжелые минуты закрывает мне глаза теплой ладонью, во время всей таможенной процедуры в «Шереметьево» приоткрыла щелку лишь на те несколько минут, когда таможенники в лупу дотошно осматривали альт и фотографии с него. Когда же они приступили к личному досмотру нашего тринадцатилетнего сына и он, беспомощно и испуганно глядя на меня, вдруг поднял вверх худые длинные руки, моя жалостливая память снова плотно закрыла мне глаза обеими ладонями...

Впрочем, это уже другая тема.

* * *

...Когда мы приехали в Израиль, выяснилось, что умные и дальновидные евреи повезли в эту небольшую страну огромное количество самых разнообразных музыкальных инструментов. Не стану пересказывать анекдотов о новых репатриантах на эту тему, сочиненных местными уроженцами.

Моя неунывающая сестра заявила, что сейчас не время заниматься торговлей, ничего с этим дурацким альтом не случится, если на нем немного поиграет один ее знакомый студент, с которым как раз они затеяли играть дуэтом. Потому что инструменты мастерят для того, чтоб на них играли, а не что-нибудь... Глядишь, поиграет-поиграет да и купит! Против этого аргумента мне нечего было возразить, хотя я сомневалась, что у студента родом из города Чернигова хватит средств приручить нашу гордую птицу.

Так альт впервые покинул наш первый временный дом в этой стране.

Но месяцев через пять я заскучала. А может быть, опять наступило время осенних перелетов. Мы выехали из приличной квартиры в одном из респектабельных районов Иерусалима и, поддавшись на уговоры друзей, поселились в «караване» – асбестовом вагончике на сваях, в маленьком поселении посреди Самарии. Фанерная дверь распахивалась в такой простор холмов и долин, что захватывало дух... Хотелось петь или играть в унисон плакучим ветрам, овевающим наш высокий холм... Или, по крайней мере, видеть перед глазами собственный альт, его певучие благородные очертания.

Я потребовала вернуть мне инструмент.

Его принесли – футляр за это время еще больше обмахрился и выглядел совсем уже задрипанно. Надо, надо было бы купить футляр попрезентабельней. Но с другой стороны – к чему, когда мы все равно продаем наш альт? Сам инструмент мне тоже показался несколько поблекшим, даже припыленным.

– Что он делал с альтом, этот твой студент, – возмущенно спросила я, – сушил на нем носки?

Вера внимательно оглядела инструмент...

– Да, надо бы почистить его прокопченную тушку, – пробормотала она.

– Чем? – заволновалась я.

– А вот чем, – сказала она и плюнула на верхнюю деку! Потом достала носовой платок и принялась тщательно полировать им поверхность.

В этот период моя сестра время от времени не то чтоб вспоминала свои пророчества о моем грядущем богатстве, но ее деятельная натура рвалась на коммерческий простор. Тогда она звонила и требовала явки с альтом к знаменитой арке Тали такуми на улице Короля Георга. Почему-то всем потенциальным покупателям она назначала встречу именно в этом месте, именно под этой многозначительной библейской надписью: «Встань и иди». Я вставала, брала старый коричневый футляр с двумя поломанными и одной целой застежками, в два ряда обвязывала его – чтобы не развалился по пути – резинкой от старых трусов моего мужа и послушно шла на встречу.

Вскоре я могла без запинки предсказать ритуал очередного сватовства и даже с высокой степенью точности передать диалоги.

– Это альт? – подозрительно вглядываясь в инструмент, спрашивала очередная мамаша-бабушка ученика, которому администрация музыкальной академии предложила со скрипки перейти на альт.

– Нет, это контрабас, – спокойно-презрительно отвечала моя недипломатичная сестрица.

Тогда я торопливо вступала в диалог:

– Альт прекрасный, ручная работа, мастер Шуб, стоил *там* бешеных денег.

– *Там* – это не *здесь*, – возражала потенциальная покупательница. – Мы должны посоветоваться с мастером.

Попрепившись, мы отдавали наш альт в чужие руки, и вот он уплывал в толпу в своем дешевом дерматиновом футляре, перевязанном резинкой от трусов.

Как правило, недели через две покупатели проявлялись с убийственной новостью: во-первых, альт *не* такой уж прекрасный. Не Генуя. И не Кремона. Во-вторых, у него существенный недостаток: он слишком велик. Непонятно – для кого его мастерили. Где взять такие длинные руки, чтобы играть на нем?

Я растерянно оглядывалась на сестру. Она невозмутимо отвечала, что – да, это особенный инструмент для особенного исполнителя. И если ваш мальчик (девочка) не тянет пока на такой редкий альт, так и скажите, вместо того чтобы хаять замечательный инструмент.

– Слушай, – спросила я ее однажды осторожно. – Ты же сама его выбирала. Ты не обратила внимания, что с ним как-то... что-то... особенное?.. И кто такой, в конце концов, этот мастер Шуб?

– А хрен его знает! – раздраженно сказала она. – Что можно было понять в этом темном подвале без акустики, у этого алкоголика?!

* * *

Однако мы успели полюбить наш альт. Каждый раз, надеясь продать его хоть за небольшие деньги, мы все же невольно радовались, когда он возвращался домой, в наш асбестовый вагончик на сваях. С ним на холмы Самарии слетало нечто возвышенно-благородное, янтарно-солнечное, певучее, отрадное...

В конце концов мы уже перестали надеяться, что кто-то купит такого великана, и, отдавая альт в руки очередного покупателя, мы словно отпускали птицу полетать на воле. И действительно, полетав неведомо где, он обязательно возвращался, складывал крылья и повисал ярким праздничным пламенем на белой стене.

Между тем наступила зима, памятная холодная зима девяносто первого года. Выпал снег, какого лет сто не бывало в этих краях. Наш картонный «караван» у подножия высокого холма завалило по самые окна. Естественно, местные коммуникации, не рассчитанные на

сибирские холода, развалились, рухнули, исчезли, растворились... Мы оказались посреди заснеженных долин и холмов с лопатой в руках и кастрюлей, в которой оттаивали снег, добывая воду.

Пару раз отваживались карабкаться в гору – к единственному в поселении магазинчику, чтобы закупить какие-нибудь консервы. Шли вдвоем с Борисом, один за другим, он – впереди, я – ступая в его глубокие следы, оскальзываясь, катясь под гору и снова карабкаясь вверх...

Наш альт мы закутывали в шерстяное одеяло, чтобы не замерзло благородное дерево, не пошел трещинами драгоценный лак. Мы не упрекали его ни в чем. Никому из нас не приходило в голову плоско шутить, что неплохо, мол, затопить камин в нашем доме, купленном на альтовые деньги...

Кажется, именно той холодной зимой, среди сосен, поваленных снежными бурями, в полубезумном состоянии невесомой тоски я разговорилась однажды в автобусе с человеком, оказавшимся преподавателем алма-атинского музыкального училища на пенсии. (В то время я легко вступала в любые разговоры и легко завязывала самые разные знакомства – что, несомненно, говорит о глубочайшей депрессии. Потому что обычно, находясь в ладу с собой и миром, я уклоняюсь от общения даже с близкими и целыми днями молчу.)

Так вот, преподаватель алма-атинского музучилища. Да, он, конечно, знал мастера Георгия Шуба – тот много лет работал в мастерской, расположенной в подвале училища. Что касается истории создания гигантского альта... сам-то он альт не видел, но если уж для кого-то Георгий и делал специально этот инструмент, то, конечно, для Паши Телицына – был такой незаурядный мальчик действительно огромного роста – два метра и три сантиметра... Его все в Алма-Ате знали, он играл в юношеской сборной по баскетболу, входил в сборную республики по альпинизму и был очень способным скрипачом. Однако специфика сложения – сами понимаете, какой рост, – продиктовала необходимость смены инструмента. Скрипачи редко бывают людьми гигантского роста. Педагог уговорил Пашу перейти на альт.

Ну, и Шубу заказан был инструмент специальных параметров... Значит, он все-таки его сделал...

– Почему «все-таки»? – спросила я.

– Потому что Паша сразу погиб при очень трагических, хотя и романтических обстоятельствах. Сорвался при восхождении на один из самых высоких ледников...

– Высоко летел?... – пробормотала я, думая все о том же, о чем думаю всегда, – о божественном переплетении всех на свете сюжетных линий...

– Надо полагать, высоко... – вздохнув, согласился бывший педагог музучилища.

* * *

Но, несмотря на очевидный провал наших предпринимательских затей, тема продажи альта время от времени все же возникала где-то в басах жизни. Правда, она все время видоизменялась, как это бывает с любой темой в любых вариациях, – менялись ее интонации, регистр звучания, мажорные и минорные лады. Например, совсем исчезла пафосность аккордов. Вместо них на фоне тотального безденежья возникла жалобно-заискивающая тема «А вдруг?», которой вторили жуликоватые интонации деревянных: «Чем черт не шутит!»

Так, был случай, мне предложили *подержать* наш дорогой альт в музыкальной школе где-то на задворках Кирона, пригорода Тель-Авива. Мол, кто-то из учеников может захотеть поиграть на альте... А там – *чем черт не шутит*...

Я отвозила его сама, отдавала собственными руками. Никогда не прощу себе этого легкомыслия. Оставила на столе в кабинете завхоза – в том же советском полуразвалившемся футляре, дважды опоясанном резинкой от тросов.

Прошло несколько месяцев. Время от времени я звонила знакомой спросить, как поживает там наш альт и не нашлось ли на него какого-нибудь длиннорукого охотника.

– Присматриваются! – бодро отвечала моя знакомая.

Прошла зима, наступило время весенних перелетов. Не выдержав неизвестности и в очередной раз плюнув на барыши, я поехала в Кирон забирать альт.

В музыкальной школе сначала долго не могли меня припомнить, затем долго припомнили, куда могли запропастить инструмент... Наконец, поигрывая могучей связкой ключей, завхоз повел меня куда-то в глубину двора, где у забора прилепилась мазанка-подсобка. Там, среди колченогих стульев, поломанных пюпитров и старых пустых футляров, я углядела коричневый, разбухший от зимней сырости футляр. Вскрикнув, бросилась срывать с него отсыревшую резинку... Наш связанный невольник, потускневший и полузаглохший, слабо бликовал мне верхней декой. Не переставая громко ругаться на обоих языках, я схватила его и вылетела из подсобки, на прощание со всей силы лягнув дверь.

После этого дважды он попадал к разным мастерам на профилактический осмотр и починку.

По нему проходились специальным составом «Хилль и сыновья», протирали спиртом гриф, меняли струны, что-то подкручивали, подтягивали, высушивали... Словом, чистили ему перышки...

В конце концов разъяренная сокрушительным коммерческим поражением, но не сдавшаяся моя сестра объявила, что пройдет специальный курс методики преподавания игры на альте.

– Ничего, ничего, – сказала она. – Не отчаиваться! Мы еще впарим его какому-нибудь охламону.

Его привели в порядок, настало лето, и он повис у нас на стене, сложив багряно-золотистые крылья.

Когда приходили гости и восхищались его благородно крупными пропорциями, Борис говорил обычно:

– Памятник нашему предпринимательству. Именно в то время понятие «альтовые деньги» прочно вошло в обиход семьи. Когда кто-то предлагал нам сомнительную работу или втягивал нас в очередное липовое предприятие, мы говорили друг другу: скорее всего, это «альтовые деньги»...

Он замечательно смотрелся на белой стене, а я прекрасно смотрелась рядом. Эта моя фотография в огромной черной шляпе на фоне висящего багряного альта на стене фигурировала в нескольких изданиях и даже в одной телепередаче, так что я сделала альту посильную рекламу.

Но, очевидно, не виселось ему спокойно. Да и моя сестрица словно подобрала инструмент «под себя» – ей тоже не сиделось на месте, всегда она вглядывалась вдаль, высматривая там, вдали, другую, лучшую жизнь. Как в детстве, на Иссык-Куле, когда, гуляя вечерами по берегу, вглядывалась в латунно-лунную гладь озера, спрашивая маму:

– А что там, за кораблем?

– Другие корабли, – говорила мама.

– А дальше?

– Дальше другой берег...

– А за другим берегом – еще другой? А за ним?

Словом, вскоре она уехала в Новую Зеландию – возводить на новом берегу новые песчаные замки. Как всегда в таких случаях, от нее поступали вначале сведения скудные и туманные. Когда у нас была ночь, у нее разгорался день, когда у нас было лето, у нее трещали морозы.

И хотя сестра возвышенным слогом рассказывала, как гуляет она по бескрайнему берегу океана, собирая огромные ракушки, мама нервничала, представляя себе далекую чужбину, в нетях которой бьется ее младшая дочь... Наконец, не выдержав, купила билет – за страшную, непомерно высокую цену. Испуганная этой чудовищной суммой, я наконец открыла атлас – взглянуть, где же проживает моя единоутробная сестрица. Я увидела несколько коричневых крошек, на которых даже названия городов не помещались. А дальше в никуда, везде и кругом, повсюду простиралась синяя гладь океана.

Я ослабела от догадки, что она достигла-таки края земли.

– Это конец! – сказала мама. – Посмотри, она приехала жить как раз туда, где съели Кука...

– Зато ты уже не сможешь сказать, что за тем берегом есть какой-то еще...

Перед маминым путешествием мы созванивались с сестрой, и она давала указания, как и что делать, чтобы мама не сбилась с дороги, все-таки 33 часа лету и три пересадки! Голос ее звучал по-прежнему бодро, деятельно, мажорно.

– Да, кстати, – сказала она в одном из разговоров. – Пусть мама прихватит альт. Здесь инструменты идут нарасхват, я наконец продам эту говенную рухлядь.

Мы не сразу решили отпустить его в такой дальний перелет. Бог знает, что могло ожидать хрупкий инструмент в долгом пути с тремя пересадками. Но в конце концов мама уговорила нас рискнуть, я проводила ее в аэропорт и со щемящим чувством утраты смотрела, как, покачиваясь, ныряя в толпе пассажиров уплывает в маминой руке альт в непотребно дряхлом, обвязанном резинкой футляре...

...Своей поездкой в Новую Зеландию мама осталась очень довольна. Ей все понравилось в этой похожей на рай, безмятежно дружелюбной стране. Она много и долго рассказывала обо всем удивительном, что видела там.

– Ты помнишь Иссык-Куль? – спрашивала она. – Так вот, там почти так же красиво, только вместо озера – океан.

Особых толп желающих приобрести наш альт она не заметила. Впрочем, ее визит был слишком короток для такого серьезного дела, как продажа музыкального инструмента, поэтому она просто оставила альт Вере, а там уж видно будет – как повернутся обстоятельства.

* * *

Прошло года три... За это время многое произошло в наших жизнях, хотя ничего страшного или из ряда вон выходящего не случилось. Главное – альт по-прежнему незыблемо возвращался из чужих рук. За эти три года он побывал у трех студентов Веллингтонского университета, у старушки миллионерши, огромного, очень музыкального гея-маори, культурного атташе японского посольства и у кого-то еще, я уже не помню частных. И всякий раз Вера бодро кричала в телефонную трубку:

– Ничего-ничего... Я немного спустила цену, кто-нибудь да позарится на дешевизну. Все ж таки не фабрика, а ручная работа, мать его так!..

Когда мой повзрослевший племянник Боря собрался приехать к нам в гости, я распорядилась привезти альт.

– Хватит, – сказала я, – нагулялся там, налетелся на воле, пора и домой...

И когда мальчик с альтом вошел в нашу квартиру в Маале-Адумим, мы бросились обнимать обоих, так как равно радовались приезду и того и другого. Вера сшила на позорный ветхий футляр матерчатый чехол защитного цвета, его можно было носить через плечо, как винтовку. Все это придавало нашему альту боевой, бравый вид. С облегчением мы повесили

его на законное место на стену, рядом с маской, приобретенной в водоворотах венецианских карнавальных лавочек.

Вечером, сидя у нас на кухне, Боря рассказывал, что Вера, которой стало скучно в Новой Зеландии, опять собралась переезжать. Бостонский университет дает ей грант на завершение ее диссертации «Методика преподавания виртуозных штрихов».

– Да, кстати, – сказал Боря, – мама считает, что там уж ваш альт продастся непременно.

– А сколько лету до Бостона? – спросила я, озабоченно посматривая на инструмент.

Мы с племянником переглянулись, и он сказал с грустной улыбкой:

– Тетя, знаете, когда я думаю о маме, мне представляется маленькая девочка, играющая на берегу моря, у самой воды. Она строит замки из мокрого песка, а волна набегает, и подмывает, и рушит эти витые башенки и колонны. Потому что они из песка, понимаете, тетя?

* * *

...Моя подруга, всю жизнь ищущая гадалок и прорицателей, однажды добыла какую-то уникальную провидицу – в самой глубинке Беловежской пуши. Та жила чуть ли не в избушке и денег за прорицания не брала. Моя подруга ехала к ней на перекладных – в поезде, потом на попутке, потом, если не ошибаюсь, в санях. В путь я ее снабдила своей фотографией. Хотелось не то чтоб узнать свою судьбу, но как-то подстраховаться, убедиться, что есть еще время повалить дурака. Провидица оказалась одноногой, с тихим ровным голосом. Взглянув на мою фотографию, она воскликнула: «Страшный сглаз!!! Такого я еще не видела. Ай-яй-яй! Страшный сглаз в бизнесе!»

– В бизнесе?! – робко переспросила подруга детства, абсолютно убежденная, что это понятие не имеет ко мне никакого отношения. – А... в остальном?

– В остальном все в порядке, – ответила провидица.

Этот эпизод долго пересказывался у нас в семье как анекдот. Но это, ей-богу же, грустный анекдот. Ведь было же это, было – дорога на дальний пляж, ослепительный полдень и босая девочка, вытягивающая взглядом ржавые пятаки из раскаленного песка... Чья же злая завистливая воля притупила мой зоркий взгляд, затоптала сверкающий азарт охоты?

– В песок! – всегда с горечью повторяет мама. – У моих дочерей все деньги уходят в песок...

* * *

Стоит ли говорить, что настал день, когда наш альт совершил очередной беспримерный перелет к берегам, уже открытым Колумбом, тоже – птицей безумного полета. К тому времени мы совершенно уже не верили в покупательную способность американской публики. Хотя робкая надежда, что в стране небоскребов может объявиться юноша-альтист гигантского роста, сыграла роль в этом отчаянном решении...

К тому времени моя сестра уже преподавала в университете, давая ученикам немного поиграть на альте, присмотреться, может быть, приноровиться как-то к его великолепному размеру... Нет, никому не пришелся он впору, – видать, был навеки заговорен тем последним замороженным полетом своего единственного хозяина, гиганта альтиста, под чей рост был сделан когда-то мастером Шубом.

Однако мы не унываем. Снова наступает осень, время перелетных стай... Я стою в зале ожидания нашего небольшого, самого уютного воздушного порта из всех знакомых мне портов. О прибытии рейса «Бостон – Тель-Авив» уже объявили, значит, скоро должен выйти с толпой пассажиров мой любимый племянник Боря.

Я высматриваю его крепкую приземистую фигуру. Наконец он появляется. За его плечом – футляр с альтом. И я вздыхаю с облегчением.

Я судорожно плещу в воздухе обеими ладонями, высоко поднятыми над головой, – дирижирую его прибытием; Боря видит меня, улыбается, направляется ко мне сквозь толпу... Птица за его плечом замедляет полет и медленно складывает крылья.

Наш альт перелетный вернулся в родное гнездо.

Навсегда?

Или только перезимовать в теплых краях?

Джаз-банд на Карловом мосту

*На Пражских улицах лукавое еврейство меня видало в адских
детских снах, где жизнь исполнена томительной надежды лыжня
небес блестит передо мной. Верни меня и преданно и нежно держать
дитя над мертвою толпой.*

Анна Горенко

Прага одухотворена более, чем любая другая столица Европы, возможно, потому, что населена не только людьми.

...Загадочную вольную жизнь ангелов, святых и покровителей церквей и соборов – всех тех, кто венчает пражские крыши, карнизы, порталы, аттики и фасады зданий, – обнаруживаешь не сразу. Эта приветливая компания апостолов и мучеников, дам и галантных кавалеров мушкетерского вида, таинственных фигур в сутанах и королевских мантиях открывается неожиданно, едва ты поднимаешь голову к небу на первые капли дождя, чтобы определить – не пора ли доставать зонтик. И тогда над тобою распахивается неведомая и обаятельная жизнь обитателей высот. Они прячут где-то там, над головами проходящих внизу туристов, – святые Войцехи и Сигизмунды, короли Карлы, Рудольфы, Вацлавы... Их далекие каменные улыбки, раскинутые крыла, зажатые в кулаках жезлы и шпаги пригласительно и зазывно летят в пространствах разновысоких крыш.

Если бы все они ожили в одночасье, задвигались, заговорили, – о, какая шумная, бурливая жизнь, какие страсти, хохот и стоны, речитатив и торжественный хорал разнеслись бы над крышами!

Вышним голосам этой горней жизни вторили бы улюлюканье, кряхтение, свист и песни причудливой жизни пражских марионеток – всей этой болотной нечисти, развешанной под потолками и на дверях бесчисленных лавок. На Карловом мосту вы пройдете за раз мимо пяти разноумелых ловцов, под музыку магнитофона ведущих в сетях нитей, свисающих с крестовины, шутов, королей, хасидов, крестьян и барышень в шляпках, колдунов и ведьм на метлах...

* * *

В первый же день на мосту Легионов нас взяла на абордаж маленькая разбойная команда прогулочного ботика: две девочки лет по шестнадцати, одетые в матроски, зазывали туристов на речную прогулку. Расписывая все выгоды путешествия, особенно напирала на то, что при отплытии каждому будет выдана кружка пива. Мы растерялись, притормозили свой туристический бег, замечтались, подыскивая нужные слова, и через мгновение были затащены по совершенно деревенской обрывистой тропке под мост, к дощатой пристани, откуда через пять минут и должен был пуститься по Влтаве ботик под темно-зеленым тентом. Забравшись под тент, мы уселись на деревянные скамьи, и вскоре юные русалки, сияя торжеством, притащили еще добычу – зазевавшегося японца... Нас было уже четверо, и мы принялись тихо роптать, поэтому, когда по тропинке сверху на пристань скатились два краснотыщенных пузатых немца, капитан верно рассудил, что дальше ждать рискованно, и – отдал швартовы.

Лет девятнадцати-двадцати, он был похож на гимназиста старших классов на каникулах. Над выгоревшей тельняшкой поршнем гулял кадык на длинной шее, украшенной голубыми бусами.

– Я дам вам пива у Карлова моста, – объявил он, и действительно, когда проходили под Карловым мостом, ботик, замедлив ход, но не останавливаясь, притерся к плоту, на котором в глубокой, переливчатой от синезеленых бликов тени стоял такой же гимназист с подносом в руках, переминаясь и озираясь во тьме. За три секунды произведено было торопливое вручение подноса с бокалами пива, ботик затарахтел дальше и вынырнул из-под моста на простор речной волны.

Наш капитан совмещал обязанности гида со своим прямым судоходным занятием. С самого начала осведомился, на каком языке вести экскурсию, и, выяснив, что языков по крайней мере три – английский, русский и немецкий, – честно переводил каждую фразу трижды. Спасало положение только то, что за всю экскурсию он, собственно, и произнес всего несколько фраз. Мотор настойчиво тарахтел, капитан, переложив румпель, или как там это называется, бросался на середину ботика, громко объявляя лично мне что-нибудь такое: «Там, на гора, это есть наш парламент!», тыча пальцем в объект, переводил это на английский и немецкий и вновь устремлялся назад, к корме. Лицо его блестело от пота, тельняшка колыхалась на тощем животе, кадык судорожно дергался над голубыми бусами.

– Вот та, с высокий башня, это есть Град-чаны...

Подозреваю, что прогулочный этот бизнес не был зарегистрирован в налоговом управлении Праги...

* * *

На заходе солнца черепичная короста пражских крыш становится пурпурной. Змеиная чешуя Влтавы медленно вползает под каменные аркады мостов, на Староместской площади расцветают гроздья круглых фонарей, оживают большеголовые, как оловянные солдатики в кокардах, фонари на Карловом мосту, и навесные, тяжелые – в улочках и переулках – затепливаются топленным восковым светом...

В этот час надо оказаться в Йозефове – старом еврейском гетто, где-нибудь в районе Майзелевой улицы, пойти по направлению к Староновой синагоге. И дожждаться, когда поток туристов иссякнет. Лучше бы пошел дождь, загоняя их в бары и отели...

Тогда становится слышна протяжная тишина давно умерших звуков, сложная тишина погасшего хохота, оживленного шепота влюбленных, шелеста юбок, поскрипывания башмаков и сандалий, монотонного распева молитв, звонких детских окриков, трубного гласа глашатая средневековой общины: «Слу-у-у-шайте, любезные ребоса-ай!!!» – тихий стон времен, выдох уставшего Бога, легкое покашливание небес, изошедших пеплом...

Что осталось от пражской еврейской общины, от этой тысячелетней бурливой жизни, от всех этих женщин и мужчин, невест, учеников ешив, благочестивых раввинов и благотворителей-богачей; что осталось от сапожников, портных, белошвеек, мясников?... (Тех самых мясников, которые еще в XII веке, при короле Владиславе, одолели – с ножом в одной руке и горящим факелом в другой – напавших на еврейский город раскольников-флагелланов, изгнали их за пределы города и за мужество удостоились награды: король разрешил внести в герб еврейской общины чешского льва о двух хвостах...)

Старинное еврейское кладбище – странный заброшенный город, по плотности обитателей на одну могилу превзошедший все известные в мире примеры, – надгробные плиты как покосившиеся скрижали Завета, окаменевшие страницы книг...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.